

Индивидуальный субъект

Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Е. Харламенкова

Одной из ключевых задач науки является разработка понятийного аппарата. Уровень развития категориальной системы становится характеристикой науки. Целостность и дифференцированность научных понятий выполняют интегрирующую роль, создавая неизменные опорные точки в пространстве научного знания, становятся ориентирами ее поисков, инструментами объяснений и интерпретации.

Одной из центральных для современной психологической науки становится категория субъекта. На сегодняшний день eLibrary.ru содержит данные о более чем 6000 публикациях, обращаясь к понятию субъектности. Но это не означает, что это понятие разработано в полной мере и не нуждается в анализе.

Субъект в философии

Понятие субъекта изначально было философским. «Субъект (от *лат.* *subjectus* – лежащий внизу, находящийся в основе, от *sub* – под, *jacio* – бросаю, кладу основание) – носитель деятельности (прежде всего практической), сознания и познания. Важно заметить, что такое понимание субъекта берет начало только в философии Нового времени, это связано с характерным для этой философии субъектоцентризмом. До этого под субъектом понималось метафизическое основание вещей, предметов, прежде всего тех, которые существуют объективно реально» (Лекторский, 2010).

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0007.

Именно в антропоцентризме Нового времени вызревает понятие субъекта. Если в античной философии субъект и реальность слиты и неразделимы (Аристотель), то Р. Декарт уже разрывает эту слитность, указывая на непротяженность мыслящей души и протяженность тела.

Наиболее разработана категория субъекта в немецкой классической философии и связана с эволюционными представлениями о его проявлениях, трансформациях в ходе развития. Специальный анализ категории субъекта прослеживается от И. Канта, И. Г. Фихте, В. Ф. Шеллинга, Б. Спинозы и наиболее развернуто в работах Г. В. Ф. Гегеля (см.: Введение в философию, 2003).

И. Кант явно противопоставляет субъект и объект, указывая, что человек как субъект конструирует свой объект. Здесь уже явно выражена идея активности субъекта познания по отношению к объекту. Субъект активно формирует объект познания на основе ощущений, с одной стороны, и априорных (доопытных) форм сознания — с другой. Тип познания связан с двумя слоями субъекта: эмпирическим (индивидуально-психологические особенности человека) и трансцендентальным (всеобщее, надындивидуальное начало в человеке).

И. Г. Фихте полагал, что субъект и объект — две неравновесные стороны единой системы (без объекта нет субъекта), где субъект страстен, активен по отношению к объекту, а объект равнодушен к субъекту. Субъект стремится к объекту с целью достижения «не Я», необходимого для «Я». Это стремление понимается как деятельность, для которой объект становится пусковым стимулом, толчком, тогда как ее содержание определяется субъектом, «Я» потому и «Я», что оно деятельно (существует только в действовании). Таким образом, в разделении субъекта и объекта имманентно заложена их непосредственная взаимосвязь. И субъект и объект — это мерности одного и того же бытия.

Г. В. Ф. Гегель рассматривал появление субъекта из неживой (несубъектной) формы. Живое для него — это субъект как источник активности, направленной на объект для его достижения или избегания. Субъект потребляет предназначенное ему в объекте и поддерживает себя. Это соответствует необходимому достижению «не Я» для «Я» у Фихте и Шеллинга. Основная проблема здесь состоит в том, как взаимодействовать с объектом. Субъект отражает для себя объект, оставляя одновременно его самим собой. В этом суть психического: идентифицировать в объекте предмет потребности субъекта, не подвергая прямому воздействию.

Г. В. Ф. Гегель подверг пересмотру кантовское определение трансцендентального субъекта. Он видел главный недостаток в неистори-

ческом характере, который исходил у Канта в противопоставлении истинного знания, постигаемого точными науками и теми формами знания, которые дают искусство, язык, культура. Именно этот тип знания существенно отличается от естественно-научного, которое, по Гегелю, не следует абсолютизировать. Это лишь разные стороны знаний о мире. Немецкий идеализм предложил рассматривать трансцендентальный субъект исторически, как историю человечества в целом. Субъектом знания у Гегеля выступает человеческая история как «объективный дух» или субстанция — субъект. Субстанция субъекта не имеет жестко фиксированной формы, а это развивающиеся, подвижные формы, суть которых исторические формы культуры. Данное понимание привело к важнейшей теоретической перестройке: снята дихотомия научного и ненаучного знания (наука не противопоставлена мифологии, а становится формой донаучного знания); снята дихотомия ложного и истинного, которая связана с противопоставлением научного и ненаучного (истинно для своего времени); в саму историю вводится понятие эмпирического (история фактическая) и трансцендентального (умозрительная конструкция) уровней. Таким образом, возникает онтология культурно-исторической деятельности, представляющая абсолютный (божественный) субъект. В индивидуальном субъекте отражен субъект общественный, абсолютный.

Гегелю принадлежит разработка идеи развития качеств субъекта в природе, как ступеней абсолютного духа: растения—животные—человек—абсолютный дух.

Субъект возникает при изменении соотношения субъекта и объекта. Первоначально соотношение меняется на уровне растений (неполный субъект), обладающих активностью, но не обладающих субъектностью (ср.: развитие психики по А. Н. Леонтьеву — это раздражимость, низший уровень). Субъектность возникает на уровне животных — обособленность от среды и самоощущение. Животные ощущают не просто себя, а определенные состояния, но всегда себя, а не другого, т. е. субъект имеет внутреннюю форму — самость, отражающую состояния внешних и внутренних воздействий. Субъектность на уровне человека, по Гегелю, — это переход к духовной деятельности и мышлению. Источником духовной деятельности становится абсолютный дух, воплощенный в индивидуальном субъекте.

В. А. Лекторский, анализируя философское понимание субъекта, пишет: «Для современной философии субъект — это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биогра-

фию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Непосредственно внутренне по отношению к индивиду субъект выступает как Я. По отношению к иным людям он выступает как Другой. По отношению к физическим вещам и предметам культуры субъект выступает как источник познания и преобразования» (Лекторский, 2010, с. 5).

Можно выделить два подхода, восходящих к разным философским традициям: антропоцентрической (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) и эволюционно-генетической (И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель). Они также имплицитно и эксплицитно выражены в развитии понятия субъекта в психологии.

В социогуманитарных науках последних десятилетий, кроме индивидуального субъекта, выделяется также коллективный (групповой) субъект как носитель определенных норм деятельности, познания и коллективного сознания, «коллективных представлений», как система взаимоотношений входящих в него индивидов. Отличиям коллективного и индивидуального субъекта посвящена отдельная работа А. Л. Журавлева (2000).

Разработка понятия субъекта в психологии

Не претендуя на полноту анализа становления понятия субъекта в психологии, выделим наиболее значимые взгляды и концепции, определяющие данное понятие.

Г. И. Челпанова можно отнести к психологам, проложившим путь к развитию категории субъекта. *Г. И. Челпанов* связывает понятие субъекта с душой, относя ее к внутреннему миру человека. Именно этот внутренний мир отвечает за активность, причинность и источник душевной жизни. Челпанов полагал, что сознание нельзя объяснить без понятия субъекта, поскольку оно не сводится к ощущениям и представлениям. Более того, к субъекту относятся не только сознательные, но и бессознательные психические сферы. Однако главное качество — это развитие, изменение и сохранение. Так, сравнивая свои состояния, изменяющиеся и перетекающие во времени, необходимо допустить для процесса сравнения общий субъект, позволяющий отнести их к себе (Богданович, 2004). *Г. И. Челпанов* внес в развитие понятия субъекта важнейшие характеристики: отнесенность к психической категории, развитие и сохранение субъекта и констатация проявлений субъекта не только в сознательном, но и в бессознательном человека. Взгляды *Г. И. Челпанова*, по мне-

нию *Н. В. Богданович* (2004), заложили понимание субъекта как основы целостности психического.

Как указывает *Н. В. Богданович*, согласно фактической исторической последовательности, категория субъекта впервые употребляется в психологической науке в СССР в работах *Д. Н. Узнадзе*, в то время как у *С. Л. Рубинштейна* она представлена впервые в статьях и рукописях 1920-х годов, и в рукописи книги «Человек и мир» (1950-е годы).

Для *Узнадзе* понятие субъекта имело важное значение. Он подчеркивал, что «психология как наука должна исходить ... из понятия самого субъекта как целого, который, вступая во взаимодействие с действительностью, становится принужденным прибегнуть к помощи отдельных психических процессов» (Узнадзе, 1961, с. 66). Следовательно, одной из важнейших характеристик субъекта становится целостность, которая связана с его теорией установки. При этом установка определяется им как меняющееся состояние субъекта в зависимости от задач, которые он сам себе ставит и от условий их осуществления. Установка связана с деятельностью, поскольку является модусом субъекта. *Узнадзе* критиковал тождество психики и сознания, поскольку приводит к разрушению целостного активного субъекта психической жизни (Богданович, 2004). Следовательно, согласно теории установки, субъект не всегда является сознательным, что противоречит представлениям *С. Л. Рубинштейна*. Побуждающая сила действия не всегда связана с действием на субъекта, она может порождаться им самим. Следовательно, в теории установки субъект представляется как целостное образование, не всегда сознательное, тесно связанное с деятельностью, обладающее способностью к самодетерминации. Дифференциация категорий субъекта и личности у *Узнадзе* фактически не проведена.

Анализ работ *Л. С. Выготского*, сделанный *Н. В. Богданович*, приводит ее к выводу, что он использует понятие субъекта в основном в значении человека и оно остается в его теории неразработанным. *Л. И. Божович*, последовательница теории *Л. С. Выготского*, представила стройную концепцию развития субъекта как личности, которая ближе к школе *С. Л. Рубинштейна* или, по крайней мере, выражает ее отдельные положения.

Г. Г. Шпет представлял субъекта в качестве автора-творца, который реализует заложенные потенциальные возможности, присущие самому слову или формам искусства. Шпет считал, что язык обладает независимым, внешним бытием и оказывает на человека влияние. Во многих аспектах развитие его духовного мира определяется языком, который уже содержит в себе определенные мировоззренческие

константы. Шпет вводит понятие «языковое сознание». Интерпретация субъектом объекта есть единственная форма, в рамках которой только и может проявляться действительность. Именно в этой интерпретации выражена свобода субъекта, вновь создающего реальность. Особое значение этот процесс приобретает в эстетическом переживании. Шпет указывает, что проблема субъекта является основной в герменевтике. Таким образом, представления Г. Г. Шпета о субъекте фактически ограничены сознательными характеристиками, детерминированными культурой языковой среды и степенью овладения ею субъектом-творцом. Здесь мы видим существенные параллели с концепцией развития психики Л. С. Выготского.

Концепция деятельности А. Н. Леонтьева фактически обращается к понятию субъекта, но он представлен только как продукт деятельности. Несмотря на многозначность понятия субъекта, употребляемого А. Н. Леонтьевым, К. А. Абульханова на основе контент-анализа книги А. Н. Леонтьева «Сознание. Деятельность. Личность» делает вывод о том, что субъект как категория фактически там отсутствует, хотя слово «субъект» употребляется очень часто и в разных сочетаниях. Место субъекта занимает здесь деятельность (Богданович, 2004).

Основные идеи А. Н. Леонтьева получают свое продолжение в рамках концепции В. А. Петровского. Но в отличие от Леонтьева В. А. Петровский вводит понятие «субъектность» как понятие, соединяющее категории деятельности и личности. «В нашем понимании „индивидуальный субъект“ („субъект“) есть сущее, имеющее образ своего существования. Из этого понимания вытекают четыре характеристики (индивидуального) субъекта: 1) субъект — целеполагающее (т. е. целеустремленное и целедостигающее) существо: иначе ни о каком „воспроизводстве“ нет и не может быть речи; 2) субъект — рефлексорирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено; 3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено); 4) субъект — развивающееся существо (ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства)» (Петровский, 2010, с. 17–18).

Субъектность трактуется как устремленность к новым возможностям, включающим в себя внешние (производимые, присваиваемые) и внутренние (актуализируемые, «высваиваемые») возможности.

Автор выделяет понятие *рациональной субъектности*, характеризующей тем, что возможности, вкладываемые субъектом в процесс, соответствуют возможностям, обретаемым в результате. Выделяются два варианта *иррациональной субъектности*: сверхадаптивная пассивность и активная неадаптивность («надситуативная активность»). Автор на основе данных представлений выстраивает соответствие между уровнем обретаемых субъектом возможностей и уровнем его побуждения к последующим действиям: чем выше уровень обретаемых субъектом возможностей («могу»), тем сильнее стремление воплотить их («хочу») — условие равенства «могу» и «хочу». Такое динамическое единство автор называет *состоятельностью* — средоточием возможностей, побуждающих активность. Несмотря на введение модели состоятельности, В. А. Петровский вновь утверждает мультисубъектный характер личности. Присутствие разных субъектов во внутреннем пространстве личности рассматривается как результат интериоризации культуры, межсубъектных отношений, существующих вовне. Следовательно, субъектные характеристики суть атрибуты личности и производные внешних взаимодействий (Петровский, 2015).

Субъект в работах С. Л. Рубинштейна

Субъектный подход в психологию ввел С. Л. Рубинштейн. Раскрывая принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественнонаучной, он показал, что «специфика гуманитарных наук в их субъектности и ценностной опосредованности знания», что привело к созданию принципа самодеятельности субъекта, его самодетерминации, сформулированный С. Л. Рубинштейном в 1922 г. (Гусельцева, 2009). Преодолевая формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, С. Л. Рубинштейн формулирует представление о «действующем лице», творящем деятельность, вкладывая в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. В его работе «Человек и мир» (Рубинштейн, 1997) субъект рассматривается не только как носитель активности, но и как источник причинности бытия. Сознание, обеспечивая познание субъектом мира, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта — созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С. Л. Рубинштейн, помимо гносеологического основания субъекта, вводит онтологическое.

Он выделял три аспекта деятельности человека: деятельность — всегда практическая, реально осуществляемая человеком; условия ее реализации создает сам человек, и деятельность имеет свою внутреннюю структуру — цели, мотивы, направленность личности. Первый аспект не обязательно связан с субъектом, поскольку труд и его продукт носят отчужденный от личности характер. Второй и третий аспект связаны с разными свойствами субъекта, именно он организует реальную деятельность и одновременно внутреннюю систему активности. В теории С.Л. Рубинштейна действительность выступает через призму возможностей и отношений к ней субъекта, а не противостоящего ему в существовавшей дихотомии субъект-объекта. Субъект выступает активным конструктором собственной жизни, бытия. В качестве субъекта рассматривается субъект психической деятельности, конкретный индивид, а не абстрактный конструкт. Таким образом, категорию субъекта С.Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Более того, изменилось представление и о категории деятельности. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности, благодаря внутренним психическим основаниям, определяет и направляет свою деятельность. Знаменитая формула С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее» изменила содержание принципа детерминизма в психологии. Это обстоятельство часто подчеркивал А.В. Брушлинский. Как пишет М.С. Гусельцева (2009), книга «Человек и мир» являлась приметой нового мышления в психологии. В этой работе исследовалось введение человека в состав бытия. С.Л. Рубинштейн обогатил психологию методологическими принципами: единства сознания и деятельности (просвечивать психику через деятельность) детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец), показывая, что преобразуя бытие, человек преобразуется и сам.

Итак, переход к онтологическому основанию субъекта (С.Л. Рубинштейн) определил смещение центра научных интересов в психологии, побудил исследовать человека как субъекта деятельности, индивидуального и группового. Начал формироваться субъектно-деятельностный подход в психологии.

Субъект в работах А.В. Брушлинского

А.В. Брушлинский внес существенный вклад в наполнение понятия «субъект» психологическим содержанием. Принципиальная новизна его подхода к разработке категории субъекта заключается главным

образом в трех основных положениях: в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Кратко рассмотрим эти положения.

1. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности (фактора детерминации психики). Брушлинский субъектом называл человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (Брушлинский, 1999а, с. 30). Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще всех видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований, в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни — видениям и переживаниям во время сна и т.д. Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый высказывал мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса является способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.
2. В публикациях Брушлинского выделены структурный, динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: *критериям* субъекта и разнообразию *видов человеческой активности*.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии

с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т. п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев, прежде всего, в динамическом плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества, способа длительно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т. п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений А. В. Брушлинского и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить, по меньшей мере, два критерия. Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих взгляд на себя со стороны. Способность к рефлексии, направленной на себя, — ключ к превращению человека в субъекта. Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта

представляет собой *структурный* план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б. Ф. Ломов), созерцание (С. Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б. Г. Ананьев). По Брушлинскому, субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности.

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень *отражения* действительности и потому высший тип *регуляции* всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т. п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром всё психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т. д.» (Брушлинский, 2000, с. 7).

3. Обращение к категории субъекта привело А. В. Брушлинского к выводу о том, что хорошо зарекомендовавшие себя микросемантический, микрогенетический и другие приемы микроанализа психики в современных условиях необходимо дополнить макроаналитическим методом познания психического. Используя в исследовании этот метод, психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического такие интегративные образования, которые отражают обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека. В этом случае тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т. п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей. Прежде всего, его интересуют такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации общения учителя с учеником, руководителя с подчиненным, психотерапевта с пациентом. Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Такой подход дал ему возможность под новым углом зрения взглянуть на фундаментальные психологические проблемы.

В целом А. В. Брушлинский внес неоценимый вклад в развитие объема и содержания психологической категории «субъект». Его заслуга не только в том, что он создал новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). В его трудах психология субъекта описана как новая *целостная* область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. Можно утверждать, что А. В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, что отличает его от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эписте-

мологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А. Н. Поддьяков, безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций (Поддьяков, 2014).

Субъект в концепции Б. Г. Ананьева

Принцип целостного изучения человека в его развитии был основной методологической стратегией Б. Г. Ананьева (1996), ориентированной на многоаспектное, междисциплинарное изучение человека в психологии. Все многообразие феноменов человека может быть представлено большими объединяющими пластами его организации: индивид—личность—субъект—индивидуальность. Это деление «есть отражение многообразия самих феноменов человека, выступающих как вид *Homo sapiens*, как человечество в его историческом существовании и личность, как субъект и индивидуальность» (Ананьев, 1996, с. 24). Для Ананьева индивидуальность человека выступает интегрирующим началом. «Общим эффектом этого слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией» (Ананьев, 1996, с. 278).

Б. Г. Ананьев, таким образом, решал вопрос о соотношении личности и субъекта: «Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека, как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого — структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта (Ананьев, 1996, с. 220). Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б. Г. Ананьев указывает, что «структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С. Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы» (Ананьев, 1996, с. 218). Здесь мы видим разли-

чия в понимании субъекта Б. Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если, по мнению Б. Г. Ананьева, личность является ядерной структурой организации, то в соответствии с субъектно-деятельностным подходом – субъект всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б. Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества как высшего уровня профессиональной деятельности, тогда как в представлении последователей С. Л. Рубинштейна субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. «Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания» (Брушлинский, 1999б, с. 345).

Развитие субъектного подхода

Субъектно-аналитический подход

В современной российской психологии новое осмысление проблемы определения содержания и сути аналитического метода осуществлено в исследованиях М. С. Гусельцевой (Гусельцева, 2009). В рамках субъектно-аналитического подхода В. В. Знаков (Знаков, 2015) ищет ответ на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной? Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли в этом различении характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответить на эти вопросы и должен субъектно-аналитический подход. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная, и аналитическая составляющая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека. Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает три компонента.

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Например, личностные знания являются внутренними условиями понимания, в значительной мере определяющими индивидуальную специфику взгляда субъекта на реальность, его схему понимания мира. Субъектность,

внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т. п. статуса фактов.

2. Гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта. Показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом. Разрабатывая психологию субъекта, А. В. Брушлинский опирался на положение о том, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики и анализировал ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой продукт (мыслительного поиска, распределения внимания и т. п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане (Брушлинский, 2003). Тем не менее следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.
3. Способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой, которая выделила четыре особенности активности человека как личности (Харламенкова, 2010). Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъектность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения индивидов, вероятные способы существования возможных субъектов) (Фуко, 2011).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода состоит из двух компонентов:

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности) в конечном счете нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека).
2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез. С. Л. Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. «Анализ через синтез»: в нем анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался в школе С. Л. Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Несмотря на то, что субъектно-аналитический подход в психологии делает только первые шаги, его польза для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является и определение сходства и различия с другими методами изучения психического, в частности с культурно-аналитическим подходом (Гусельцева, 2009). Таким образом, развитие субъектно-аналитического подхода представляется необходимым и перспективным, особенно в контексте психологии понимания.

Системно-субъектный подход в психологии

Е. А. Сергиенко (2011) обосновала объединение системного и субъектно-деятельностного подходов, что способствует расширению мерности (многомерности) изучения психологии целостного человека.

Проведенное сравнение показало, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения как в системно-эволюционном (и теории динамических систем), так и субъектно-деятельностном подходе. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем, единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека: «внешнее через внутреннее», саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системная организация его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному «деятелю» собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе, проблемной остается анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представлений о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

Последовательное применение континуально-генетического принципа привело к постановке и разработке важнейшего вопроса о критериях становления субъекта. Именно применение континуально-генетического принципа в системно-субъектном подходе позволило связать разные представления о возникновении субъекта в непрерывный континуум его становления: от протоуровней в начале жизни до вершинных акмеологических зрелого человека. *Критерий субъекта может быть только уровневым.* С позиций системно-субъектного подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, А. В. Петровский и др.) не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта.

Нами обоснована гипотеза о соотношении субъекта и личности, в которой две ипостаси человеческой индивидуальности — субъект и личность — представляют неразрывное единство и развиваются,

начиная с самых первых этапов онтогенеза. Уровни субъектно-личностного развития – увеличивающиеся и усложняющиеся структуры – рассматриваются всегда как существующие на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и структурном отношениях. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции-дифференциации (Сергиенко, 2014).

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, которое было предложено нами в поисках дифференциации образований личности и субъекта. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Выделены когнитивные, регулятивные и коммуникативные функции субъекта и личности. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта (Сергиенко, 2012, 2014). Реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности открывают возможность не только анализа развития психологической зрелости человека как гармоничного соответствия организации этих интегративных подсистем человеческой индивидуальности, но и позволяет связать воедино представление о содержательных основах внутреннего пространства человека и особенностях выборов, действий и поступков во внешнем социальном пространстве.

Развитие представлений о субъекте через самодетерминацию и саморазвитие

Согласно *И. Б. Дермановой* (2004, 2009) в качестве ведущей характеристики субъекта часто выступает показатель общей активности человека, причем не любой активности, а качественно специфической, какой является самодетерминация (произвольная, сознательная, целенаправленная) (Дерманова, 2004, с. 107). Автор, однако, отмечает, что в этом случае анализ поведения субъекта ограничивается изучением только осознаваемых действий, что существенно сужает предметное поле исследования. Предлагается рассматривать активность «как общий атрибут субъекта», как атрибут свойств человека разного уровня, не в системе координат «высший–низший», а с функциональной точки зрения. Все это позволяет, согласно автору, реализовать комплексный подход к изучению субъекта и субъектности в структуре свойств человека. Последовательно реализуя эту идею, Дерманова прослеживает связь субъектности как специфической

активности с другими подструктурами свойств человека – индивидуальностью, личностью, индивидом и др. – и показывает возможности предлагаемого подхода с точки зрения соотношения структурных и функциональных компонентов разных уровней организации свойств человека: «индивидуальность» соотносится с проявлениями человека как «субъекта жизни», «личность» – с особенностями человека как «субъекта отношений», «индивид» – с характеристиками человека как субъекта витальной активности; «субъект деятельности» также анализируется в категориях структурных и функциональных свойств человека (там же, с. 114).

Предлагаемый *М. А. Шукиной* подход к проблеме саморазвития личности реализуется на основе методологического принципа субъекта и субъектного подхода. В качестве одного из видов субъектности автор выделяет саморазвитие личности как субъектность в отношении своего развития (Шукина, 2014, с. 9). Саморазвитие характеризуется «осознанным и активным участием личности в его осуществлении посредством управления направленной на саморазвитие деятельностью и образом жизни» (там же, с. 7). На основе большого массива эмпирических данных автор делает вывод о том, что общая субъектность личности и субъектность, проявляемая ею в процессе саморазвития, являются самостоятельными модусами субъектности, связь между которыми устанавливается посредством эмоциональных индикаторов субъектного опыта. Автором разработана субъектная концепция саморазвития личности (Шукина, 2015), а также показано, что, несмотря на общие особенности развития личности и ее саморазвития, последнее отличается тем, что в этом процессе реализуется «высший уровень субъектности развития, когда личность сама управляет его инициацией, ходом, коррекцией» (Шукина, 2016, с. 137).

Тесная связь между понятием субъекта и понятием психического развития в рассмотренных концепциях обосновывается доводом, что одним из источников самоорганизации, саморазвития, самоосуществления, которые приписываются субъекту, его особой, специфической активности является жизненный опыт человека, который выступает ресурсом проявления субъектности. Субъект самоорганизуется не только и не столько «здесь и теперь», сколько в аспекте своего бытия и всего жизненного пути. В связи с этим важнейшей задачей изучения проблемы и категории субъекта является задача исследования механизмов проявления человека как субъекта в пространстве его жизни, в ее ретроспективе и перспективе.

Одним из методолого-теоретических исследований этой проблемы стало изучение стратегий интеграции жизненного опыта в аспекте

прошлого, настоящего и будущего, а именно ретросказания и предсказания и реализующих их механизмов: в процедуре ретросказания – регрессии, эмоциональной переоценки и когнитивной реструктуризации, в предсказании – антиципации и мотивационного опосредствования (Харламенкова, 2010; Журавлев, Харламенкова, 2018). Авторами было показано, что выделенные психологические механизмы не разделены в своих временных границах, но функционируют как целое, что и позволяет понять природу активности субъекта, представить ее в неделимости на отдельные топологии с фиксированной хронологией (прошлое, настоящее, будущее). В исследовании выявлено, что специфичность этих процессов относительно ретроспективы и перспективы не исключает возможности их взаимопересечения и взаимообуславливания; описаны варианты такого взаимодействия механизмов и показано, что активность субъекта, представленная в ретроспективе и перспективе жизни, непрерывна и определяется двумя базовыми особенностями – своей обратимостью и внутренней связанностью, т.е. возможностью проживания разных эпизодов личной истории – истории длинную в жизнь, между которыми существует «смысловая перекрестная связь» (К. Юнг).

О критериях субъектности

Принципиально важным для психологии субъекта остается вопрос о критериях субъекта.

Определяя субъектность, первоначально А. В. Брушлинский указывал на то, что «субъект – качественно определенный способ самоорганизации...» (Брушлинский, 1999б, с. 331). С другой стороны он отмечал, что субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. Каждая личность является субъектом, но субъект не сводится к личности. С одной стороны, А. В. Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой, постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности. Данное противоречие нуждалось в разъяснении и разработке, поскольку вопрос о критерии категории субъекта остается открытым.

В одной из последних работ Андрей Владимирович более детально раскрыл проблему критериев в становлении субъекта: «Субъектом столь неразрывного, недизъюнктивного единства природного и социального (культуры) становится человек по мере того, как он – будучи еще ребенком, подростком и т.д. – начинает выделять себя (не отде-

лать!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т.д. Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 7–10 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т.д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13). Далее Брушлинский указывает на то, что «изначальная социальность, включенность в культуру человеческих индивидов на вышеуказанном этапе их развития характеризуется понятийностью их познания и вообще деятельности. Понятия не существуют как платоновские идеи – вне субъекта и его деятельности (познания, обучения, учения и т.д.). Отсюда вытекает, по крайней мере, два вывода, существенных для всей рассматриваемой проблематики. Во-первых, понятия не существуют для ребенка, пока он – в качестве школьника – не начнет овладевать ими в процессе своей деятельности (совместно с учителями, воспитателями и т.д.). Во-вторых, понятия не входят в состав „третьего мира“ как его раскрывает К. Поппер» (там же, с. 13). Наши позиции в свете последних работ Андрея Владимировича сблизилась, особенно по вопросу о самом первом уровне становления субъекта и необходимости рассматривать вопрос о критериях относительно уровневой психической организации. Первый критерий – выделение ребенком себя из окружающего мира – очень важен (см.: Сергиенко, 2002, 2012). Ранние периоды онтогенеза человека рассматриваются как решающие для становления концепции мира (физического и социального), так и для развития личности.

Второй критерий, выделенный Брушлинским как основной в становлении субъекта – понятийная деятельность – вызывает дискуссию. Истоки представления о «понятийном» критерии лежат в трудах С.Л. Рубинштейна, который утверждал единство предметного содержания и переживания, где возникает значение объекта и события. Это рождает не только отражение мира, его познание, но и отношение субъекта, выраженное в его созерцании (Рубинштейн, 1999).

Этот критерий не может выступать как основной и достаточный. Более того, по сравнению с первым критерием он очевидно дизъюнктивен. Трудно согласиться с появлением понятий в 6–7-летнем возрасте и их жесткой связью с вербальными обозначениями. Процесс становления понятийного ментального мира субъекта происходит

постепенно, шаг за шагом, образуя все более сложную иерархию когнитивного пространства, начало же этого процесса опирается на базовые когнитивные способности младенцев упорядочивать мир объектов, организуя базовую модель мира.

Применение континуально-генетического принципа привело нас к гипотезе о решении проблемы критериев субъекта. *Критерий субъекта может быть только уровневым.*

Так, в понимании Б. Г. Ананьева, человек как субъект деятельности — это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной деятельности). Субъект характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности (Ананьев, 1996). А. В. Карпов фактически тождественно описывает критерии субъектности: как и каким образом изучать субъект через метапознавательные процессы, включая рефлексивность в деятельности (Карпов, 2009).

К. А. Абульханова предлагает акмеологическое понимание субъекта. Личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только, на высших, взрослых этапах своего развития. Абульханова пишет: «Говоря о становлении личности субъектом мы имеем в виду взрослую личность» (Абульханова, 2005). В другой работе К. А. Абульханова выделяет критерии личности, которая становится субъектом. В качестве первого критерия она выдвигает способность личности к организации собственной жизни, жизненных этапов и регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств. Вторым критерием является способность личности как субъекта «вырабатывать свои способы решения постоянно возобновляющихся противоречий» между нормативными требованиями и индивидуальными особенностями и притязаниями личности. Третий критерий личности как субъекта заключается в оптимальном использовании психических, личностных, профессиональных и других возможностей для решения жизненных задач. «Личность не просто обладает восприятием, мышлением, памятью и не только способно видеть, думать и помнить, она определяет, как и зачем вспоминать, чтобы решить жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее „мета-личностное качество субъекта“» (Абульханова, 2005, с. 15). Четвертый критерий — собственно акмеологический, который определяет личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала. Пятый критерий в большей степени дополняет четвертый: субъектом будет совершенствование личности, которая стремится к достижению под-

линности. Неподлинность жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь — это выбор жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концепция. «Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...» (там же, с. 15).

Остановившись достаточно подробно именно на взглядах К. А. Абульхановой, хотелось бы выделить те противоречия, которые существуют между ее представлениями и мнениями других авторов. Напомним, что Б. Г. Ананьев полагал в качестве ядра человеческой организации личность сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития.

Приведенные критерии личности как субъекта показывают, что К. А. Абульханова только раскрывает акмеологическое понимание субъекта. Выделенные критерии субъектности, по нашему представлению, не являются специфичными и достаточными для данной категории. Напомним, в чем состояло несогласие с принципиальным решением К. А. Абульхановой. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне определяется как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Более того, слишком неопределенным кажется положение об оптимальном способе организации жизненного пути, способе разрешения противоречий. Получается, что уровень субъекта является как бы операциональным уровнем личности, задающей общее направление движения. Более того, субъектом человек может и не стать, если он не достиг вершин своего развития. В то время как человек становится субъектом, реализуясь на разных уровнях, что означает континуальность его развития.

Близкую точку зрения на соотношение личности и субъектности в человеке высказывает А. В. Петровский (2010). Он развивает личностный подход к активности субъекта, принимая выдвинутое А. Н. Леонтьевым представление о личности как о системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, в которую включен субъект. Говоря о субъектности, он в большей степени используется индивидуально-психологический анализ человека, тогда как по отношению к личности — социально-психологический. А. В. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта. «Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивиду-

альное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество» (Петровский, 2010, с. 358). Концепция субъектной личности объединяет в себе идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. «В этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности – ролью, и снятие роли – субъектностью» (там же, с. 363). Таким образом, субъектность понимается А. В. Петровским как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

П. Я. Гальперин считал: «Чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно-ответственным субъектом» (Гальперин, 1976, с. 143), полагая, таким образом, что личность становится вершинным уровнем развития субъекта. Здесь налицо понимание личности как высшей индивидуальности человека, при этом отвечающей общественным нормам.

Разрабатывая психологию субъекта, В. В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смысла жизни (Знаков, 2016). Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего развития. Здесь принципиальным является вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность».

Субъект и личность

Л. И. Анцыферова отмечает, что в работах С. Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о „личности“, „субъекте“ и „человеке“ как синонимах...» (Анцыферова, 2006, с. 219). Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве личности, употребляя такие понятия, как «субъект практики», «субъект истории». Анализируя теории личности, Л. И. Анцыферова указывает, что субъект в них «характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т. д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т. п.» (Анцыферова,

2004, с. 362). Далее она указывает, что существует неравномерность в развитии человека как субъекта и как личности. Один из вариантов рассогласования – это высокий уровень развития субъектности и низкий – в развитии личности. Например, люди преуспевающие в бизнесе, политике и других областях, могут быть личностно недостаточно развиты. «Высокое же развитие человека как личности невозможно без столь высокого развития его как субъекта» (Анцыферова, 2004 с. 363). При таком варианте человек должен отстаивать свои идеалы, убеждения, реализовывать себя в деятельности, т. е. соответствовать своему содержанию.

Л. И. Анцыферова соглашается с С. Л. Рубинштейном в вопросе о необходимости выделения особой функции человека как личности, а именно функции организации им своей жизни, обеспечения ее осмысленности, цельности, содержательности, которые в целом соотносятся с понятием субъекта. При этом Анцыферова указывает и на другую сторону человеческого существования – страдательную, претерпевающую, созерцательную и др., которая не вписывается в «осознанный телеологический способ бытия как субъекта» (Анцыферова, 1999, с. 18). Отмечается, что все многообразие душевной жизни человека невозможно уложить в рамки субъектно-деятельностного подхода, тем более что самосозидание не всегда коррелирует с психологическим благополучием и здоровьем личности. Понятие личности, таким образом, представляется ученому более широким, чем понятие субъекта, и выступает как многоплановое, многоуровневое, многокачественное образование (Анцыферова, 2000, с. 211). Согласно автору, по мере развития личность все более овладевает способами преобразования окружающего мира, все более выступает как субъект жизни, но не подменяется им. Выделяя уровни развития личности, Анцыферова считает, что на первом из них человек еще недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения, не может в полной мере регулировать степень своего воздействия на ситуацию; субъектные качества проявляются на этом уровне через «акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения цели». Второй этап развития личности как субъекта характеризуется возрастающей способностью человека как личности соотносить свои цели и мотивы, предвидеть результаты своей деятельности, регулировать процесс постановки и достижения целей. На третьем этапе личность становится субъектом своего жизненного пути и ощущает себя более свободной «выявлять, переживать и собственными действиями разрешать назревшие противоречия развития общества» (там же, с. 212).

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Ф. Мальрие. «Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником» (цит по: Зауш-Годрон, 2004, с. 19). Существует континуум процессов субъективизации и персонализации между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации (как два комплементарных процесса) (Зауш-Годрон, 2004).

Приведенные взгляды разных авторов на соотношение субъекта и личности послужили основанием для выдвижения и проверки собственной гипотезы.

Гипотеза о соотношении субъекта и личности с позиций системно-субъектного подхода

Основные положения системно-субъектного подхода, развиваемого Е. А. Сергиенко, были изложены в нескольких работах (Сергиенко, 2009, 2011, 2013).

Предполагается следующее гипотетическое решение. Личность (персона) — это стрессовая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект. *В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект—личность.*

В этом процессе познание Себя и Другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной) форме. Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами Я—Другой, выступает как когнитивная основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития (Сергиенко и др., 2009).

Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делать то, что соответствует его жизненным смыслам и в соответствии с собственной субъектностью, т. е. в соответствии со своей интегративной уникальностью (где все образует единую систему: вся история развития субъекта, генерархия уровневой организации). Показателем синхронности и со-

ответствия в континууме личность—субъект может выступать спонтанность поведения человека. Можно привести аналогию со знанием языка: как только мы способны выразить спонтанно то, что хотим сказать, можно говорить о владении языком как средством общения или средством обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами).

В этом случае *психологическая зрелость — это, прежде всего, континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта.*

Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий «субъект» и «личность» включает положения Л. И. Анцыферовой и Б. Г. Ананьева. В работах Б. Г. Ананьева мы находим указание на то, что личность является ядерным образованием в структуре целостного человека. Более того, мы находим указание на существование своеобразия и дифференциации этих понятий в психологии субъекта А. В. Брушлинского («субъект всегда является личностью, но не сводим к ней»), в работах Б. Г. Ананьева: «Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности» (Ананьев, 1996, с. 253).

Таким образом, гипотетическое решение имеет некоторые параллели в работах других авторов.

Гипотетически соотношение понятий субъекта, личности и человека можно представить в следующем виде:

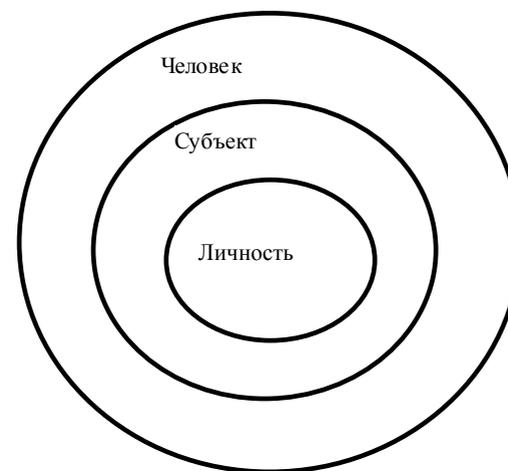

Рис. 1. Соотношение понятий «Человек—Субъект—Личность»

Соотношение понятий «субъект», «субъектность», «субъективность», «актор» и «агент»

Важным для рефлексии проблемы соотношения психологических понятий становится различие не только понятий субъекта и личности, но и различие *субъектности* и *субъективности*. *Субъектность* означает отнесенность к субъекту, присущее субъекту, понимаемому как непреложное свойство человеческой сущности. *Субъективность* означает отнесенность к внутреннему миру индивидуального человека, его уникальности, неповторимости. *Субъектность* остается целостной психологической характеристикой человека в течение всей его жизни: человек рождается субъектом и умирает субъектом, учитывая уровневые критерии субъектности. С этой точки зрения — это постоянная характеристика человека. Но его субъективные характеристики все время меняются, стремясь ко все большей индивидуализации и уникальности. В этом случае субъективность — психологически динамическая характеристика человека. Однако следует отметить, что характеристики субъекта и субъектности тесно взаимосвязаны, поскольку субъект — это всегда индивидуализация человека (Брушлинский), со свойственной ей динамикой субъективного мира.

Однако следует указать на еще одно значение понятия субъективного. Субъективное — противоположное объективному, противоречащее общепринятому. При указании на субъективизм чьего-то мнения хотят подчеркнуть его не соответствие реальному или очевидному положению вещей или событий. Следовательно, субъективный в двух этих смыслах, все-таки адресуется к уникальной индивидуальности человека.

В последние годы в научной литературе социогуманитарного направления активно используется термин актер (*actor*), который фактически понимается как тождественный субъекту. *Актер* — действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других¹. Например, государство является главным политическим актером на поле политики и ведущим социальным актером в обществе. Наиболее активно данный термин стал использоваться в социологии и общественных науках. Эта традиция берет свои основания в работах Э. Дюркгейма, в которых актер рассматривался как субъект, полностью детерминированный социальными причинами. Субъективные мотивы поступков и их интерпретация обусловлены скрытыми и/или явными объек-

тивными условиями (социальными, конфессиональными, профессиональными, гендерными. Следовательно, актер скорее представлялся как персонаж, управляемый социальными факторами, даже часто и неосознаваемыми им самим.

Новый поворот в содержании понятия был совершен во французской социологии. Ален Тулен вводит понятие действующего лица как субъекта деятельности, активного творца общественных процессов. А. Тулен в книге «Возращение человека действующего» отождествляет актера и субъекта: «Понятие субъекта... отождествляется с идеей сознания, значение которого не перестает усиливаться в течение XIX века. Человечество в результате не представляется более хозяином Разума и Природы, но творцом Себя» (Тулен, 1998, с. 38).

Наиболее влиятельной в социологии последних тридцати лет стала работа Люка Болтански и Лорана Тевено. Смысл, который вкладывают авторы в решение проблем экономики (рынка) включает понятие актера (действующего лица, лиц), что не сводимо только к экономическим классическим моделям. В рецензии на книгу Г. Юдин так излагает данную идею: «Культурное определение блага в его отличии от других благ необходимо для того, чтобы мог появиться рынок этого блага, на котором впоследствии могли бы проявиться эгоистические и рациональные мотивы. Все это означает, что предметом социологического анализа должно стать само возникновение рынка посредством серии «испытаний», позволяющих *актерам* выработать совместное определение блага. Социологии, таким образом, не следует воспринимать рынок как самоочевидность с тем, чтобы потом искать его ограничения (именно так выглядит привычный *modus operandi* экономической социологии); она должна начать с объяснения того, как рынок возникает как согласованное смысловое поле» (Юдин, 2014, с. 127). В работах Л. Болтански и Л. Тевено акцент смещен в сторону анализу конкретных ситуаций споров и конфликтов в повседневной жизни, прежде всего, аргументов, которые их участники (актеры) выдвигают для обоснования справедливости своих притязаний.

Агент (*лат. agens* — действие), определяется Оксфордским словарем как «человек или предмет, который играет активную роль или создает определенный эффект» (Dictionaries O., 2014). Наиболее частными определениями данного термина становятся: «представитель, действующий от организации или другого лица, химический или биологический агент воздействия».

Анализ термина «агент» и «агентность» (*agency*) было проведено М. В. Селезневой. Она приходит к выводу, что «*agere* и *agentia*, *agent-*,

1 <https://ru.wikipedia.org>.

а значит, и activity и agency принадлежат к одной и той же сфере представлений, связанной с действием, условием для осуществления действия, т. е. активностью, деятельностью и тем, кто представляет результаты либо осуществляет это действие или деятельность» (Селезнева, 2015, с. 50). Термин «агент» в англоязычной литературе часто тождествен понятию «субъект деятельности». Селезнева указывает на то, что в западной психологии отсутствует стройная концепция субъектности. Теоретические построения в основном затрагивают несколько тем: субъектность как способность к выбору и самореализации и субъектность как свобода воли и автономия без анализа внутренних субъективных и субъектных условий таких способностей (см., напр.: Frie, 2008; Martin, Gillespie, 2010).

Приведенное сравнение понятий «субъект», «актор» и «агент», указывает на значительное смешение данных терминов и их фактически тождественное использование в социогуманитарных науках. Более универсальным и интегративным является понятие субъекта, тогда как термины «актор» и «агент» в большей степени несут смысловую нагрузку как субъекты деятельности, что становится только частью более универсального представления о субъекте как авторе собственного развития (саморазвития), самодетерминации и творца своего бытия, целостности его индивидуальности.

Развитие субъекта

Принцип развития как наиболее перспективный для раскрытия сущности психических образований применялся в отношении к субъекту и отечественными учеными.

Топологическая и генетическая модель субъектности представлена в работах А. Ш. Тхостова (Тхостов, 2002; Журавлев, Тхостов, 2003). В топологической модели субъектность обособляется как граница напряжения в континууме субъект—объект. Полюса в континууме субъект—объект никогда не могут быть достижимы: движение в сторону полюса субъекта означает превращение себя в объект наблюдения, движение к полюсу объекта не может быть абсолютным в силу непрозрачности и неподконтрольности. Следовательно, исчезновение иного — это исчезновение субъекта. Генетически субъектность может быть представлена как дифференциация Я—не Я, как становление континуума Субъект—Объект. Автор полагает, что «в фило- и онтогенезе существуют стадии отсутствия дифференциации Субъект—Объект и что подобная поляризация возникает на поздних этапах эволюции. Ребенок на ранних стадиях онтогенеза не об-

ладает развитой способностью дифференцировать себя, собственные мысли или чувства и вещи окружающего мира» (Журавлев, Тхостов, 2003, с. 10). При этом расчленение Субъекта и Объекта происходит при становлении произвольности. «Они (функции) могут стать произвольными, лишь пройдя путь растворения в Субъекте, продвигая постепенно границу субъектности. Но когда-то они были объектными и сохранили в замаскированном виде свой исходный характер» (Тхостов, 2002, с. 213). Диалектика субъектности состоит в объединении топологической и генетической моделей, что означает движение к произвольному овладению.

Идея континуальности субъекта и объекта представляется чрезвычайно интересной, сходной с континуально-генетическим принципом системно-субъектного подхода, развиваемого нами. Однако согласиться с тем, что произвольность есть причина образования субъектности, которая поздно возникает и в фило-, и онтогенезе, трудно.

Произвольность не существует отдельно от индивида и тем более субъекта, поэтому не может выступать как формирующая сила. Идеи А. Ш. Тхостова перекликаются с теорией Л. С. Выготского о становлении высших психических функций, которые опосредуются культурно-специфическим знаком-средством. Согласно Л. С. Выготскому, культурные средства ребенку даются, вкладываются взрослым, при этом ребенок остается пассивным реципиентом воздействий, а не субъектом развития.

В. В. Селиванов (2008) определяет генезис психического как развитие субъекта. Выделяя стадии развития, он указывает двадцать два критериальных свойства: носитель активности, источник познания, наличие сознания, саморазвитие, целостность, единство, интегральность, способность к саморегуляции и творчеству, наличие личной истории, жизненного пути и т. д. При этом все свойства субъектности рядоположенны, что и отражается в характеристиках девяти стадий развития субъекта.

Отсутствие системы и иерархии в выделении критериев субъекта, отсутствие дифференцированности между категориями субъекта и личности, привели к фактическому описанию разных психологических характеристик человека в их развитии, и, что досаднее всего, выбранные характеристики уже не согласуются с современными представлениями о психическом развитии человека. Кроме того, неясно, что является спецификой развития собственно субъекта, описываемой автором данной классификации. Здесь происходит явное смешение понятий и классификаций психического развития (клас-

сификации Д. Б. Эльконина, Л. С. Выготского, Э. Эриксона). Однако в указанных классификациях были строгие теоретические основания, которые позволяли проследить закономерности изменений в психике человека, тогда как в данной «смешанной» картине принцип построения стадий развития уловить трудно.

В картине становления субъектности В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева (1995) также представлены некоторые аспекты развития личности без дифференциации того, что же данная ступень развития личности дает в развитии субъектности, в чем состоят эти особенности. Однако в классификации В. И. Слободчикова есть внутреннее основание – постепенное становление способности быть автором собственной жизни, что проявляется в разноуровневых возможностях взаимодействия с различными социальными партнерами. В данной классификации не прояснены возрастные границы ступеней развития субъекта. Почему границы ступеней индивидуации так широки: от 17 до 42 лет? И почему именно 42 года становятся границей индивидуации? Заканчивается ли стадия универсализации в 62 года и что следует за этим? Более того, описание развития субъекта через такие категории, как персонализация, индивидуация, поиск экзистенциальных ценностей, скорее можно отнести к психологии личности. В чем тогда состоит необходимость обращения к понятию субъекта? Все эти вопросы остаются открытыми, поскольку авторы данной картины развития субъекта их не рассматривают.

Наиболее логичными нам представляются идеи Л. И. Божович (2008), раскрывающей процесс формирования личности как становление субъекта. Л. И. Божович в цикле работ, посвященных формированию личности, фактически обращается к вопросам становления субъектности. Первая форма субъекта, по Л. И. Божович, возникает на первом году жизни и связана с возникновением «внутренней мотивации», «с появлением мотивирующих представлений», что освобождает ребенка от оков конкретной ситуации, доминанты внешних воздействий и «превращает его в субъекта» (Божович, 2008). Это первый шаг на пути к внутренней свободе. Второй шаг или этап в развитии субъекта связан с осознанием себя как субъекта, что связано с новообразованием Я. Признаком такого осознания выступает появление местоимения «я». Процесс самопознания начинается с осознания себя субъектом собственных действий, поскольку ребенок обращается уже не только к внешнему миру, но и к себе, выходя на новый уровень самопознания. Этот шаг к новому этапу субъектности ребенок совершает между кризисами первого года и трех лет. В конце раннего детства появляется система Я, что выражается в потребнос-

ти действовать самому (Я-сам). Заметим, что появление местоимения «я» не является надежным маркером становления самосознания. Третий шаг в развитии субъектности связан с кризисом 7 лет, когда ребенку уже доступно осознание себя не только субъектом собственных действий, но и субъектом в «системе общественных отношений» (Божович, 2008, с. 335).

В подростковом возрасте совершается новый этап в развитии личности как субъекта. Он связан с возникновением жизненного плана, временной перспективы будущего, подросток становится субъектом во времени своей жизни, способным к самопроектированию в ней.

Картина становления субъектности в теории Л. И. Божович в сравнении с другими наиболее непротиворечива и обоснованна. Однако возникает вопрос о разведении понятий личности и субъекта. Неудивительно, что в тексте постоянно присутствует их совместное звучание: формирование личности как субъекта, развитие субъекта как личности. Основным критерием субъектности названа «внутренняя свобода», раскрыт путь к ней и степень ее представленности в период от рождения до подросткового возраста через возникновение личностных новообразований. Во многом соглашаясь с Л. И. Божович, следует все же подчеркнуть недифференцированность понятий субъекта и личности, неопределенность понятия «внутренняя свобода». Как связана внутренняя свобода и произвольность, воля, свобода воли? Данный критерий субъектности остается крайне неопределенным и не операционализированным.

Попытка описание этапов становления субъектности предпринята Ю. А. Вареновой (2001). Вопрос о развитии субъектности, которое начинается с рождения, она соотносит с ведущей деятельностью (по Д. Б. Эльконину), взаимодействием, определяющим развитие субъектности. В результате преимущественных форм взаимодействия выделяются ведущие сферы, в которых происходит развитие субъекта и определяется опыт субъектности. Так, в возрасте до года ведущей деятельностью является непосредственное эмоциональное общение, при взаимодействии ребенка со взрослым ведущей сферой становится общение, а опыт субъектности выражается в развитии этапа субъекта эмоционального контакта. В подростковом возрасте (13–17 лет) при ведущей деятельности общения в процессе взаимодействия со сверстниками происходит развитие субъекта в сфере общения и становление этапа субъекта общения.

Знакомство с данной картиной субъектогенеза не дает возможности понять, что же изменяется во внутреннем мире растущего человека, в чем его активность, выбор, самостоятельность и самосозидание?

Если субъект — это отраженная деятельность, то что новое вносит данная классификация по сравнению с периодизацией Д. Б. Элькониной? Кроме приписывания слова «субъект» к новообразованиям возраста (субъект эмоционального контакта, субъект предметной деятельности, субъект саморазвития и т. п.) мы получаем даже менее глубокое представление о развитии психики, чем имели в предшествующих классификациях.

Также и в концепции В. А. Татенко при утверждении континуальности развития субъекта характеристики субъектогенеза описаны через ведущие психические процессы (внимание, память и т. п.), т. е. берут основы в представлениях Л. С. Выготского.

В приведенных концепциях развития субъекта общим становится идея непрерывности развития субъекта, т. е. их можно отнести к эволюционному направлению в понимании развития субъекта. Однако в данных концепциях нет разграничения понятий личности и субъектности, и скорее субъектность выступает как характеристика личности. Тогда понятие субъекта теряет свою специфику и статус самостоятельной категории. Наконец, авторы приведенных концепций в значительной степени понимают субъект как производное деятельности.

Предлагая рассматривать человека как единство развития личности и субъекта в качестве неразрывных ипостасей его организации, выделяя специфические для развития субъекта и личности функции, с одной стороны, мы делаем попытку дифференцировать понятия, а с другой — показать их неразрывную взаимосвязь в психическом развитии (Сергиенко, 2011, 2014).

Остается сложной задачей описание уровней развития субъекта и личности на протяжении всего онтогенеза человека, поскольку объединение в целостное развитие требует иных теоретико-методических решений. Однако ранние периоды развития могут показать такую возможность.

При рассмотрении вопроса о соотношении субъекта и личности нельзя обойти вниманием концепцию субъекта В. А. Татенко (1998), которая имеет пересечения с нашими гипотетическими решениями. Его концепция субъектогенеза носит, безусловно, континуально-генетический характер и по многим положениям согласуется с нашими предположениями. В представлении В. А. Татенко субъект — реально существующее образование на всем протяжении развития человека. Он указывает, что необходимо говорить не о возникновении субъектности в каком-то возрасте, а о генетических уровнях и этапах субъектности. На каждом этапе онтогенеза индивид выступает

как целостный субъект психической активности определенного уровня развития (сначала бессознательного, а затем все более осознанного). Субъект всегда находится в состоянии саморазвития, самосовершенствования. Он выделяет интуиции субъектного ядра — движущие силы развития человека как субъекта с присущими им механизмами психической активности и доминирующими психическими функциями (например, для новорожденного — внимание, для детей раннего возраста — память, для подростков — речь). Различия между концепцией В. А. Татенко и нашей концепцией лежат в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий субъект-личность. Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230). Согласно его схеме соотношения понятий, субъект является центральной структурой в психической организации человека, а личность, индивидность, индивидуальность и универсальность представлены как рядоположенные, связанные с ней образования, оппозиционными парами: личность—индивид; универсальность—индивидуальность.

На наш взгляд, в данном подходе субъект фактически поглощает другие стороны человеческой психики, делая их выводимыми из субъекта. Несомненно, субъект интегрирует все психические способности человека: и индивидные, и индивидуальные, и универсальные, и личностные. Однако отсутствие иерархии и специфики в соотношении различных аспектов психической организации, онтологически весьма различных, делает данную схему весьма спорной. Наша точка зрения на соотношение субъекта — личности позволяет описать человека как единство этих ипостасей, их специфику, непрерывность их уровня развития в онтогенезе, критерии согласованности через процессуальное представление о зрелости.

Различия между концепцией В. А. Татенко и нашей концепцией лежат в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий субъекта — личности. Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230).

Выделение функций субъектности: когнитивная — понимание, регулятивная — контроль поведения и коммуникативная как специфическое взаимодействие субъект-субъектных или субъект-объектных отношений — позволяет увидеть специфику категории субъекта в психологии. Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная — осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смыслов жизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция,

которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; и коммуникативная функция — направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта. В таблице представлена специфика структуры и функций субъекта и личности.

Таблица 1
Структурно-функциональная специфика
организации субъекта и личности

Индивидуальность человека	Функции			Структура
	Когнитивная	Регулятивная	Коммуникативная	
Личность	Смыслообразование, ценностные ориентации	Переживание	Избирательность взаимодействия	Я-концепция
Субъект	Понимание	Контроль поведения (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, произвольность/волевой контроль)	Субъектность/Объектность, Субъект/Субъектность взаимодействия	Индивидуальные ресурсы (когнитивные, эмоциональные, волевые)

Уровневое развитие субъекта-личности

Применение континуально-генетического принципа позволило выделить несколько уровней непрерывного становления субъектности — от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта развития, субъекта деятельности, субъекта жизни (Сергиенко, 2009).

Кратко картина генезиса становления континуума «субъект—личность» представляется следующей.

Одной из важнейших начальных задач в развитии ядра личности выступает выделение себя из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, через оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и его изменения в среде.

Можно предположить, что первым представлением о себе является экологическое Я; это Я, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое Я образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как составная часть Я-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь.

Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я—Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как Я-интерперсональное. Я-интерперсональное появляется у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях: Я-индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту праформу Я-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют прямо, лицом к лицу, средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями, эмоциональными состояниями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строится интерсубъективные циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения. Два типа ранних форм структуры Я — экологическое и интерперсональное — являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы «Я—физический мир», Я-интерперсональное — системы «Я—социальный мир». Развитие этих личностных образований направляет становление первичных уровней протосубъектности: первичной и вторичной протосубъектности. Эти два аспекта ядра личности на первом году жизни могут развиваться относительно независимо, что дает возможность только выделить себя из окружения (физической и социальной среды). Это протоуровень становления «первичной субъектности» (на 2-м месяце жизни).

Однако взаимодействие Я-экологического и Я-интерперсонального необходимо для возникновения следующего уровня протосубъ-

ектности «вторичной интерсубъектности» (9–12 месяцев), который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект, и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию.

Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности. Наличие интерсубъективных отношений позволяет установить тождество: Я–Другой. Образующими становления биполярной шкалы Я–Другой служит репрезентационная система, возможная благодаря врожденным механизмам амодального восприятия и интерсенсорного взаимодействия. Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить, что истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека. Но из этого не следует, что субъектом рождаются. Субъектом становятся. Это процесс становления можно представить как становление определенных уровней развития субъектности, которые организованы гетерархично. В представлениях об основах становлении первичных уровней субъектности не все сводится к когнитивному выделению себя из окружения. Однако мы настаиваем на единстве когнитивного и аффективного, что означает, что, выделяя себя из мира вещей и мира людей, младенец начинает относить к себе или другим свои репрезентации и эмоциональные состояния, которые он регулирует на возможном ему уровне при взаимодействии и с объектами, и с людьми. Поэтому интеграции Я–экологического и Я–интерперсонального в единую систему и составляет основу перехода на новый уровень «вторичной прото-субъектности».

Выделяя функции субъекта, мы надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта.

В настоящее время изучение когнитивной функции субъекта позволило выделить уровни развития субъекта в дошкольном возрасте, опираясь не только на теоретические разработки, но и на достаточно объемный экспериментальный материал (Сергиенко и др., 2009). В рамках изучения модели психического как ментальной основы понимания мнений, желаний, намерений, мыслей, эмоций – своих ментальных состояний и ментальных состояний других людей (см.: Сергиенко и др., 2009) были проведены исследования понимания эмоций, намерений, обмана, понимания физического и ментального мира. На их основе выделены еще три уровня развития субъектности в дошкольном возрасте: 3 года – недифференцированные,

фрагментарные модели отдельных психических состояний; 4–5 лет – уровень ситуативно-зависимых моделей, позволяющих понимать и отделять свои ментальные модели от моделей другого – уровень агента; 6–7 лет – уровень ситуативно-независимых моделей, означающих понимание себя и другого как самостоятельных субъектов. Это уровень наивного субъекта.

Развитие модели психического (общего показателя и отдельных параметров) связано с успешностью передачи информации и с пониманием сообщений по описанию Другого. Развитие происходит согласованно и отражает переход от уровня агента к наивному субъекту. Дети, лучше понимающие различные феномены психического мира, чаще достигают понимания других участников коммуникации, т. е. более коммуникативно успешны. Успешность участников коммуникации опирается на уровень развития модели психического как свой, так и партнера. Возможность выделения субъектности и установления субъект-субъектных отношений в коммуникации обеспечивает успешность в роли агента и реципиента информации (Уланова, Сергиенко, 2015).

Таким образом, изучение функций субъектности, таких как понимание и субъект-субъектные отношения, субъектная регуляция – возможность успешной адаптации, позволяет утверждать, что выдвинутая гипотеза вполне продуктивна, но нуждается в дополнительных исследованиях и теоретической разработке.

Изучение развития субъектности в онтогенезе дает аргументы, что понятие субъекта обладает огромным теоретико-эмпирическим потенциалом и доказывает возможности интегративного изучения человека. Данное понятие позволяет ввести такие объяснительные категории в процесс интерпретации, как понимание, субъектная регуляция, субъект-субъектная коммуникация.

Категориальный статус понятия субъекта в отечественной психологии

Анализ категории субъекта в отечественной психологии был предпринят Н. В. Богданович (2004, 2005). Она выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии:

- 1) категория должна иметь свое поле значений, «не выводимое из других и не сводимое к другим» – критерий предельности (М. Г. Ярошевский);

- 2) категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом — методологический критерий;
- 3) категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом — критерий систематизированности (Б. Ф. Ломов);
- 4) каждая категория должна выдвигать новый принцип науки — принципообразующий критерий.

Выделенные критерии категориальности анализировались на основе рассмотрения полей значений категории «субъект» через ряд понятийных оппозиций, выделенных в результате историко-теоретического анализа.

Первый критерий категориального статуса субъекта раскрывается через оппозицию *сохранение—изменение*, введенную Г. И. Челпановым. Здесь важно выделить недизъюнктивность субъектности, которая реализуется при применении континуально-генетического метода. Непрерывность развития субъекта, которую мы попытались проанализировать через описание системогенеза и критериев субъектности, показывает, что введение уровневого критерия позволяет непротиворечиво сохранять целостность субъекта при его непрерывных изменениях. И напротив, понимание субъекта только как высшей стадии развития личности делает данную категорию лишь ее стадией, при этом выделение субъекта как самостоятельного понятия становится дискуссионным. Другая опасность лежит в понимании субъекта как результата деятельности, как у В. А. Петровского. Но тогда понятие «субъект» теряет свое значение, так как вся смысловая нагрузка переходит на понятие деятельности.

Вторая оппозиция — *осознанность—неосознаваемость* — формулируется в виде проблемы: может ли человек быть субъектом, не осознавая этого. А. В. Брушлинский считал, что в жизни человека нет ничего полностью осознанного или полностью бессознательного, «человек остается субъектом в той или иной степени также и на уровне психического как процесса и вообще бессознательного». Выделение протоуровней субъектности также позволяют считать, что субъект существует в континууме осознанности—неосознаваемости.

Оппозиция *коллективный—индивидуальный* традиционно выражается, как указывает Богданович, в дифференциации категорий субъекта и личности: личность — индивидуальный субъект, в отличие от общностей как совокупных субъектов. Представляется, что выделение критериев коллективного субъекта А. Л. Журавлевым (2002) решает данную проблему.

Наиболее дискуссионная для понимания субъекта оппозиция — *свобода—ответственность*. Суть ее состоит в том, является ли чело-

век автором своей жизни и может ли он управлять ее обстоятельствами или, наоборот, управляется ими.

Представление об активности человека как системообразующем качестве, по мнению А. В. Брушлинского, становится избыточным, поскольку словосочетание «субъектная активность» является тавтологией. Активность — свойство всего живого, и никакой специфики для определения субъекта она не несет, но становится необходимой при взаимодействии и избирательности такого взаимодействия человека с миром. Изначальная избирательность взаимодействий и воздействий характеризует различную степень субъектной активности, всегда отражающей индивидуальные особенности и возможности. Но в отечественной психологии просматривается и другая тенденция — рассмотрение качественных характеристик активности как критериальных признаков субъекта. Так, одной из базовых субъектных характеристик определяется ответственность как форма проявления активности. Как творец своей жизни человек несет ответственность за свои деяния и поступки. К. А. Абульханова примиряет возникшее противоречие, отмечая, что ответственность представляет высший уровень активности, к чему следует добавить: на более высоких уровнях развития субъекта и личности как единых психологических образований человека. Кроме того, свобода и ответственность также развиваются непрерывно, от становления регуляцией собственных действий, эмоций, выбора целей к самопроизвольности, саморегуляции, свободе воли. Здесь представлена дихотомия единства субъекта и личности как необходимых звеньев в изучении данных процессов.

Наконец, оппозиция *целостность—множественность*, или полисубъектность.

Раскрывая природу целостности субъекта, А. В. Брушлинский указывает, что эта целостность означает, прежде всего, неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека. Этому подходу противостоит утверждение полисубъектности, когда единый субъект расчленяется в зависимости от осуществляемых им видов активности и, соответственно, выделяются специфичные по своей природе субъект деятельности, субъект общения, субъект познания, субъект жизнедеятельности, субъект психической активности и т. д. (например, у В. А. Петровского). Хотелось бы возразить против представлений о полисубъектности. Все модусы существования и проявления субъектности общения, познания, деятельности реализуются целостным субъектом с его индивидуальными ресурсами, особенностями в соответствии с уровнем личностного

развития как проявление самодетерминации, саморазвития и самореализации, что относится к человеческой самости – субъекту. Множественные роли позиции и диспозиции – суть его личностной организации и, следовательно, уникальной реализации как субъекта.

Наиболее важным представляется дифференциация понятий субъекта и личности как пересекающихся понятийных полей. Выше были рассмотрены варианты решения данной проблемы. Хотелось бы подчеркнуть, что два этих понятия тесно взаимосвязаны и развиваются в единстве, однако имеют собственную специфику и функциональные особенности. Обоснование данных различий даны выше и представлены в работах Е. А. Сергиенко (2011, 2014).

Прежде всего, большинство психологов понимают личность как примет социального, продукт социализации и социальных взаимодействий.

Для категории «субъект» нет оппозиции *внешнее–внутреннее*; она изначально относится к внутренним условиям, внутреннему миру, составляет именно психологическую реальность, которая мультидетерминирована.

Для категории личности не типична, по крайней мере в отечественной традиции, проблема сознания и бессознательного, которая для субъекта остается дискуссионной. Но здесь также можно высказать некоторое осторожное несогласие, поскольку первые этапы развития личности могут быть не осознаваемыми, интуитивными, слабо дифференцированными. Более того, не все проявления, смыслы, ценности и установки личности носят осознанный характер.

Сопоставительный анализ категорий личности и субъекта приводит Богданович к выводу: их семантические пространства имеют пересечения, или проекции. Действительно, обе структуры саморазвиваются и мультидетерминированы и самодетерминированы, обе структуры отражают целостную индивидуальность человека, но, как предлагается в соответствии с нашей гипотезой, личность задает направление и ориентиры движения, а субъект реализует цели, задачи развития, жизни и деятельности, опираясь на собственную уникальную индивидуальность, ресурсы и способности (Богданович, 2004).

Представленный анализ субъектогенеза был направлен также и на то, чтобы показать взаимосвязь принципа субъектности и других психологических принципов. Подробный анализ развития субъектности вызван тем, что обоснование принципа субъектности в психологии развития потребовало аргументации его применимости к разным феноменам и процессам психического развития. Задача подробного анализа заключалась в демонстрации необходимости из-

учения и учета развития человека как субъекта, чья избирательность, выбор внешних воздействий и взаимодействий указывает на его индивидуальность с самого начала жизни. Кроме того, рассмотрение субъектогенеза – это демонстрация тесного переплетения принципа субъектности, непрерывности и антиципации в анализе феноменов развития человека. Такое же тесное переплетение принципа субъектности мы обнаруживаем с принципами неопределенности «авторства психической активности», принципом системности, который продемонстрирован через анализ субъекта как системы всех способностей, свойств, активностей, где субъект является системообразующим фактором. Тесную взаимосвязь принципов субъектности и антиципации можно обнаружить в последовательности и предвосхищающем характере уровней субъектного развития, в возможности антиципации внешних воздействий и взаимодействий в зависимости от уровня субъектного развития (Сергиенко, 2012).

Реализация понятия субъекта в принципе субъектности позволяет перейти от анализа его отдельных характеристик, индивидуальных способностей, особенностей его деятельности, слабо часто связанных между собой к изучению целостного субъекта собственной деятельности, жизни, развития, саморазвития, творца собственного бытия.

Принцип субъектности – это еще и перенос фокуса рассмотрения психологии человека извне – внутрь, это оптика его внутреннего мира, уникальности и самодостаточности.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что понятие «субъект» отвечает основным критериям, определяющим категориальный статус понятий. Показана его взаимосвязь и поле значений (через понятийные оппозиции), что особенно важно в паре «субъект – личность» (как системе понятий). Продемонстрирована и аргументирована его взаимосвязь с основными принципами психологии (активности, системности, неопределенности, развития, антиципации) и показан потенциал и необходимость принципа субъектности в психологической науке.

Кроме того, представленный анализ современных подходов к проблеме субъекта в психологии указывает на значительный потенциал перехода к целостной психологии, потребность в которой остро необходима.

Однако, несмотря на высокую ценность категории субъекта и расширение областей ее применения, психология субъекта нуждается в детальном теоретико-экспериментальном обосновании. А. В. Брушлинский отмечал, что «путь от несубъектной психологии к субъектной очень труден» (Брушлинский, 2003, с. 158).

Следует привести еще несколько аргументов, подтверждающих, что «субъект» может быть включен в качестве отдельной категории в понятийный аппарат психологической науки. Прежде всего, более века понятие «субъект» используется учеными при формулировке общих философских оснований психологической науки (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев и др.). Кроме того, при проведении категориального анализа понятий категория субъекта дифференцируется от других категорий (личность, индивид, индивидуальность) и используется для обозначения определенной части психической реальности. Еще один аргумент – структурная и функциональная устойчивость системы подкатегорий, благодаря которым категория субъекта может быть представлена рядом теоретических конструкторов (субъектная активность, системность, автономность и др.), которые, в свою очередь, могут быть операционализированы. Также немаловажным аргументом является наличие многообразия теоретических подходов к пониманию психической реальности, обозначаемой понятием «субъект».

Перспективы развития понятия субъекта

Несмотря на возрастающий интерес и все увеличивающееся число исследователей, направляющих свои научные поиски на психологию субъекта, в данной области остается много дискуссионных вопросов. Именно дискуссионность и открытость психологии субъекта, полифония научных представлений и решений, многообразие реализации субъектного подхода и обуславливают перспективы разработки.

Говоря о перспективах субъектного подхода в психологии, можно выделить несколько основных направлений. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к субъектной психологии, что потребует значительных усилий и времени, поскольку эта задача чрезвычайной сложности. А. В. Брушлинский подчеркивал сложность такой задачи. Выделенная триада метауровней организации и реализации субъекта: субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности, требует теоретической и экспериментальной разработки, конкретизации соотношения данных метауровней, описания их критериев и особенностей.

При анализе разных модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема субъекта познания. Проблема субъекта познания имеет длительную историю изучения в рамках философии. Однако данная проблема может быть

рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь идет об изменении акцентов анализа особенностей познания. Если в классическом подходе в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то для субъекта важнее понимание и интерпретация окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций, желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порожденных субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей.

Психология человеческого бытия – направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта – выводит проблему субъекта на междисциплинарный уровень взаимосвязей с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией индивидуальности, личности. Психология человеческого бытия предполагает обращение к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность и др. Это анализ вершинных, духовных ценностей человека с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия.

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории группового субъекта. Возникновение группового субъекта обусловлено не только совместной трудовой деятельностью, сколько наличием общих целей, мотивов, интересов. При этом общественные интересы существенны в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. В этом свете очевидно, что тоталитаризм и субъект – понятия несовместимые. Психология насилия при тоталитарной организации делает людей объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности и другим проявлениям и развитию субъектности. Исследования группового субъекта приобретают особую значимость в связи с социальными, экономическими, религиозными, этническими конфликтами, которые сопровождаются насилием и подавлением субъектности человека.

Важнейшей перспективной задачей для субъектного подхода является разработка представлений о развитии субъектности человека.

Имеющиеся в настоящее время описания стадий или уровней развития субъекта либо фрагментарны, либо описывают в большей степени развитие личности как субъекта. Генетический принцип анализа субъекта позволит раскрыть условия и факторы становления разных уровней организации субъектности, соотношение различных внешних и внутренних условий реализации субъектности определенного уровня. Перспективы разработки уровней развития субъекта мы видим в изучении и исследовании становления функций субъекта на разных этапах онтогенезе человека, охватывающих разные периоды от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, межпарадигмальных, сетевых подходов в разработке представлений о функциях субъекта.

Жаркие споры о необходимости категории субъекта в психологии («третий лишний» – В. П. Зинченко) аналогичны дискуссии, которая разворачивалась относительно категории личности в 1960–1970-е годы. Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится разграничение категорий личности и субъекта, определение их специфичности, соотношения и места в психологической науке.

Обсуждая современный постнеклассический этап развития психологической науки, М. С. Гусельцева (2007) выделяет следующие принципиальные характеристики рациональности в отличие от неклассического этапа, которые свидетельствуют о перспективности субъектного подхода в психологии. Так, постнеклассическая рациональность предполагает открытость новому опыту, междисциплинарный дискурс, парадигмальную толерантность. Это приводит к ценности субъективного опыта, особой креативности в конструировании мира субъектом. В логике постнеклассической психологии особое место уделяется расшифровке внутренней логики развития, уникальности человеческой судьбы, сензитивных периодов, взрывов, экзистенциальных поисков в отличие от неклассической рациональности, где основное внимание было направлено на универсальные законы организации психического. Традиционная психология обсуждала вопросы биологического и средового детерминизма, на неклассическом этапе главное место занимал социодетерминизм, а для постнеклассического развития науки на первый план выступают свобода воли и свобода выбора (самодетерминация) субъекта. Объектом исследования постнеклассической науки выступают саморазвивающиеся системы в отличие от объективизма неклассического этапа. Отсюда большое внимание уделяется анализу текста, семиотическому дискурсу, субъекту понимания и диалогического

взаимодействия. Таким образом, приведенные характерные черты постнеклассической науки убедительно показывают самый современный уровень и своевременность в разработке субъектного подхода в психологии, который означает парадигмальную толерантность, междисциплинарный дискурс, герменевтический стиль мышления, сетевой принцип организации знания, обращение к внутреннему миру человека, что становится основой его целостного изучения через развитие субъектности как специфичного конструкта для психологической науки.

Развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств

Российская психология субъекта прошла *первый этап* развития, содержательно-структурный. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-е годы (Брушлинский, 1991). На первом, фактически познавательном этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления, по существу, был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2003, с. 29). На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта, проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния преактивности, коллек-

тивная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т. п. (Журавлев, 2002).

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, проводившихся на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг — необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На *втором этапе* главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например духовные практики, с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. В современных исследованиях наблюдается смещение фокуса внимания ученых на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Идеи о становлении субъекта, его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тулчинский, 2010), в идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

На втором этапе психологических исследований одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во все нарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. Это отражено в большом массиве отечественных работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само-»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в четырех направлениях: Psychological mindedness (осмысление психического), Self-construal (самоконструирование), Self-understanding (самопонимание), Self-de-

termination (самодетерминация). В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Литература

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Жур. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
- Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Анциферова Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся мире (К 110-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна) / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 17–19.
- Анциферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000.
- Анциферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Анциферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2-е испр. и доп. изд., 2006.
- Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2005. С. 58–84.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. жур. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999а. С. 30–41.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999б. С. 330–346.

- Брушлинский А. В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 5–11.
- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуально- и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетей, 2003.
- Варенова Ю. А.* Исследования субъектности и ее развития в дошкольном возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2001.
- Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / И. Т. Фролов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Гусельцева М. С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. № 3. С. 107–119.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 17–27.
- Дерманова И. Б.* К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 8 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб., 2004. С. 89–101.
- Дерманова И. Б.* Субъект, личность, индивидуальность // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 82–93.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Per Se», 2002. С. 51–81.
- Журавлев И. В., Тхостов А. Ш.* Субъектность как граница: топологическая и генетические модели // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 5–12.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психологи человека // Институт человека. Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. С. 280–290.
- Зауш-Годрон Ш.* Социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2004.
- Знаков В. В.* Субъектно-аналитический подход в психологии понимания // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2018).
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Карпов А. В.* Категория субъекта и современный метакогнитивизм // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 68–85.
- Корбут А. М.* Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.
- Лекторский В. А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. В. 1. С. 5–18.
- Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Петровский В. А.* «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // Мир психологии. 2015. № 3 (83). С. 14–38.
- Поддьяков А. Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2014.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Селезнева М. В.* Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2015. № 2. С. 47–53.
- Селиванов В. В.* Онтогенез психического развития субъекта // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 73–76.
- Сергиенко Е. А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–309.
- Сергиенко Е. А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 50–67.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. жур. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2018).
- Сергиенко Е. А.* Соотношение функций субъекта и личности в период взрослости // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 254–283.
- Сергиенко Е. А.* Психология развития: идеи Л. И. Анцыферовой и их разработка (К 90-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой) // Психол. жур. 2014. Т. 35. № 6. С. 25–34.

- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъектности. Учеб. пособ. для вузов. М., 1995.
- Татенко В. А.* Личность в субъектном измерении. Киев: Просвита, 1998.
- Тулен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Тульчинский Г. Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию. Грани творчества Галины Иванченко. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. С. 49–63.
- Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
- Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961.
- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 60–72.
- Фуко М.* Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Харламенкова Н. Е.* Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
- Чепелева Н. В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского). В 4 т. Т. 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 342–345.
- Шукина М. А.* Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 7–22.
- Шукина М. А.* Психология саморазвития личности: Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
- Шукина М. А.* Роль генетического принципа в психологическом изучении саморазвития личности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 135–150.
- Юдин Г. Б.* Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеновой; под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013 // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 3. С. 126–129.
- Dictionaries O.* Language matters. 2014. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 01.02. 2016).
- Frie R.* Psychological agency: Theory, practice and culture. The MIT Press, 2008.
- Martin J., Gillespie A.* A Neo-Meadian Approach to Human Agency: Relating the Social and the Psychological in the Ontogenesis of Perspective-Coordinating Persons // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. V. 44. № 3. P. 252–272.